

КАРЛОС

ГАРДЕЛЬ

Танго произвело фурор в Европе перед первой мировой войной, быстро превратившись в увлечение аристократов. Его с удовольствием танцевал испанский король Альфонсо XIII, большой любитель музыки и балета, слушал в граммофонной записи Николай II незадолго до Октябрьской революции. Танго вызывало скандалы, его обвиняли в эротичности и греховной сущности, и тогда римский папа публично отпустил этому новому танцу все грехи за прошлое и на будущее, что само по себе достойно удивления.

КОРОЛЬ ТАНГО

Родился этот темпераментный танец в зланных местах южноамериканских портовых городов, и танцевали его поначалу только «портеньо» — портовый люд: матросы, ожидающие отплытия на втором этаже покосившегося кабака с красной лампой в окне, проститутки, грузчики, зашедшие пропустить рюмку-другую после тяжелого рабочего дня, и вездесущие мальчишки, которые, вырастая в портовых районах, становятся «мачо» — крутыми самцами, прекрасно знающими многочисленные грязные тайны крикливого юного города. Есть легенда, что самый великий «тангист» Карлос Гардель был именно таким мальчишкой. Впрочем, музыкальные справочники указывают, что у Гарделя множество биографий, одна фантастичнее другой. И это достойно удивления, потому что жизнь его хорошо известна, и в ней не так уж много от легенды. Но если речь идет о кумире народа, легенды в общественном сознании нередко оказываются сильнее малоинтересных, хотя и реальных фактов. Кроме «Гарделя-портеньо», существовал еще и «Гардель-гаучо», о котором говорили, что он вырос в Буэнос-Айресе, разносил письма, пел на улице, зарабатывая этим на жизнь, и в конце концов стал ловким пройдохой и всеобщим любимцем. Еще одна широко распро-

страненная легенда — «Гардель-негро»: он будто бы родился в горной деревушке, принадлежавшей богатому хозяину, и был обязан своим появлением на свет страсти хозяина к рабыне-негритянке. Такие мифы вполне устраивали беспечного Гарделито — так ласково называли его друзья, и это было не самое яркое из его прозвищ. Вот несколько других: Дон Карлос, Маэстро, Тот, кто изо дня в день поет все лучше, Франсесито (Французик), Креольский дрозд и, наконец, попросту — Человек, Старина. Он прославил на весь мир свой город песней «Буэнос-Айрес ке-

ридо». «Говоря о Гарделе, — писал его биограф Омеро Манци, — мы можем проследить судьбу Буэнос-Айреса, улиц и закоулков, звуков и шепотов, прошлого и настоящего пестрого люда, шумных, веселых и полных нежности вечеров. Буэнос-Айрес обрел в Гарделе своего историка, неподражаемого и точного». Карлос Гардель, настоящая фамилия которого Гардес, родился на самом деле во Франции, в Тулузе. Его мать-аргентинку звали донья Берта. В середине 30-х годов, когда уже обласканный славой Гардель частенько печатался в аргентинских газетах, с подкупающей теплотой и искренностью рассказывая о самом себе, его однажды спросили об отношении к матери. «Когда мне бывают нужны мир, спокойствие и тишина, — ответил Гардель, — когда множество приятелей и все развлечения утомляют меня, я прихожу навестить мою старушку, и возле нее обретаю силы вновь». В столице Аргентины, куда переехала семья, он рано начал петь, и сразу с большим успехом. Уже тогда его часто забрасывали цветами. Другой биограф Гарделя Педро Оргамбиде пишет, что репертуар буэнос-айресских театров начала века, состоявший из пьес гиньольно-мелодраматического характера, в которых очень по-аргентински «раздирание страстей в ключья» заканчивалось сладкой идиллией и щемящим лиризмом, очень повлиял на сюжеты его ранних танго.

Париж войдет в жизнь Гарделя в конце 20-х. Он поет здесь в шикарных кабаке, и в словах его танго, имеющих здесь бешеный успех, появляется некая утонченность чувств, а простота и сердечность «портеньо» приобретает космополитический светский лоск. Ослепительные девушки из варьете вьются вокруг молодого и прекрасного танцора. Он любит жизнь и умеет пользоваться случаем, но это не помешает ему сказать интервьюеру: «Я предпочитаю латиноамериканок. Они лучше понимают мой темперамент. Впрочем, мне нравятся все привлекательные и умные очаровательницы».

В Жуанвилле, где находится французское отделение американской студии «Парамаунт», Гардель начинает работать в кино. Впервые этот замечательный певец появился на экране в немом фильме «Цветок персика» (1917). Участие в нем кончилось печально для Гарделя, понявшего, что качество его актерской работы далеко от совершенства. Друзья вспоминали, что он твердил: «Я певец, как актер я не работаю». И только спустя тринадцать лет, в 1930 году, режиссер Эдуардо Морейра снял с ним десять короткометражек, запечатлев исполнение собственных песен. Таким образом, некоторый опыт у Гарделя был, но его явно не хватало для успешной работы в условиях уже довольно развитой кинематографии. Тем не менее для съемок фильма «Огни Буэнос-Айреса» в Жуанвилле был запущен в оборот весь арсенал коммерческого кино. Много музыки, красивые лица, экзотический для европейца и североамериканца фон. Одним из авторов сценария был Мануэль Ромеро, личность весьма интересная, тогда еще начинающий писатель и режиссер, мечтавший о постановке национальных аргентинских музыкальных лент. Газеты писали, что единственно достойным внимания в этой картине был голос Гарделя. Это прибило очков его славе, однако сам актер очень огорчился.

Все же он продолжает сниматься и петь. Сюжеты немудрящие, да они и не интересуют студию — важен его голос. Не имеет значения, что в этих фильмах Гардель везде одинаков — ведь они имеют успех. В Испании во время демонстрации «Огней Буэнос-Айреса» публика долго аплодировала исполнению Гарделем одного

из своих танго и потребовала у киномеханика прокрутить эпизод еще раз. За два года Гардель снялся в четырех картинах, после чего получил приглашение в Америку. Следующие свои танго он исполнял на Лонг-Айленде — «Танго на Бродвее» (1934), «Танго-бар» (1935). Голливуд принимает его. Режиссер Норман Торог, постановщик музыкальных фильмов, работавший со всеми сколько-нибудь значительными мастерами эстрады 30 — 50-х годов, снимает с его участием фильм «Ловцы звезд». Следом он получает лестное предложение от своего старого друга Мануэля Ромеро, который наконец-то получил возможность осуществить давнишнюю мечту и снять аргентинский музыкальный фильм «Румба». Пока режиссер заканчивает подготовительный период, танцор принял приглашение выступить в колумбийском театре Хорхе Исаака. В день его вылета, около трех полудни, донья Берте, дремавшая в своей буэнос-айресской квартирке, показала, что постучали в дверь. Она открыла. На площадке — никого. Донья вышла на лестницу. Тишина. Лишь во дворе портовый мальчишка насвистывал знаменитое танго Гарделя. Вечером администратор колумбийского театра, выйдя на сцену и обращаясь к собравшимся, сказал: «Сегодня погиб Карлос Гардель». Авиакатастрофы тогда не были редкостью.

На его могиле множество надписей, сделанных «фанатами» великого певца и танцора: «Твоей памяти, маэстро!», «Когда умер Гардель, блеск танго поблек», «Где парил дрозд, теперь — стая жаворонков». И название знаменитого танго — «Адиос, мучачос!». Что по-нашему означает: «Прощайте, друзья!».

Дмитрий САВОСИН

- 1917 — «Цветок персика» (Flor de durazno), реж. Франсиско Дефилиппис Новао, Аргентина.
 1930 — 1931 — Десять короткометражек, реж. Эдуардо Морейра, Аргентина.
 1931 — «Огни Буэнос-Айреса» (Luces de Buenos-Aires), реж. Адельки Миллар, Франция.
 1932 — «Мелодия предместья» (Melodia de arrabal), реж. Луи Ганье, Франция;

- «Жди меня» (Esperame), реж. Луи Ганье, Франция;
 «Дело серьезное» (La casa es seria), реж. Жакелю, Франция;
 1934 — «Под гору» (Cueato abajo), реж. Луи Ганье, США;
 «Танго на Бродвее» (Tango en Broadway), реж. Луи Ганье, США.

ФИЛЬМОГРАФИЯ

- 1935 — «День, когда ты меня любишь» (El día que me quieras), реж. Джон Рейнхард, США.
 «Танго-бар» (Tango-Bar), реж. Джон Рейнхард, США.
 «Ловцы звезд» (Cazadores de estrellas), реж. Норман Торог, США.